

ДЕНИС НИЖЕГОРОДЦЕВ

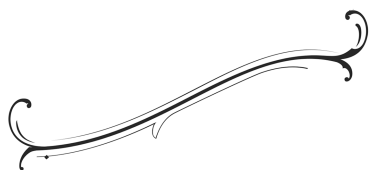

Москва

КОГДА ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ РАЗРЫВАЮТ НА ЧАСТИ

Пуля времени
Подельник века
Отстойник душ

ДЕНИС НИЖЕГОРОДЦЕВ

ОТСТОЙНИК ДУШ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н60

Нижегородцев, Денис.

Н60 Отстойник душ / Денис Нижегородцев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Выстрел в прошлое. Исторические детективы Свечина о путешествии во времени).

ISBN 978-5-04-210696-5

Капитан полиции Юрий Бурлак уже дважды перемещался в прошлое, выполняя тайные задания. Однако третья миссия в дореволюционной Москве 1913 года ставит под угрозу не только его жизнь, но и саму реальность. Попаданец должен найти самого разыскиваемого дезертира из «Службы эвакуации пропавших во времени» — Викентия Двуреченского. Бурлак нашел его, но чтобы уничтожить преступника, Юрию пришлось пойти на совершенно безумный поступок... и в конце концов угодить в еще более опасное место — загадочный «отстойник душ», где древний самурай открывает ему правила новой игры...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-210696-5

© Нижегородцев Д., 2025
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ГЛАВА 1.

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

• 1 •

На рассвете 24 августа 1913 года сотрудника Московского отделения по охране общественной безопасности и порядка, произведенного не так давно в поручики Александра Александровича Монахова, разбудил незаявленный приход посыльного. Нехотя поднявшись с жесткой металлической кровати, бросив взгляд на спартанскую обстановку вокруг и незамедлительно облачившись в служебный мундир, офицер встретил гонца в дверях, ведущих с черной лестницы.

— Что стряслось, милейший? — процедил хозяин сквозь зубы.

— Беда, ваше высоко... — замялся вошедший.

— Благородие, просто благородие, — поморщился Монахов и нетерпеливо посмотрел на гостя.

— Мертвое тело, — загадочно уведомил тот.

— Что? Где? Когда? — почти перестав обращать внимание на нарочного, поручик принялся собираться в дорогу. Благо все необходимое для подобных экстренных случаев было разложено либо висело тут же.

— Давеча нашли его на Можайке, на пустыре за Поклонной горой и Кутузовой избой.

— Так... — вздохнул Монахов.

— Говорят, тот самый!

— Какой тот самый? — поручик на секунду приостановил сборы.

— Ну, тот самый, пропавший без вести... С нижегородской фамилией...

— С нижегородской фамилией, — снова вздохнув, повторил Александр Александрович.

— Но не велено говорить даже вам-с! — посланец перешел на шепот. — Личное распоряжение товарища министра внутренних дел...

— Вот как? А что мне *велено* говорить? — поручик вскинул бровь, после чего удивления уже не выказывал.

— Что господин начальник Московского охранного отделения, а с ним и начальник сысской, возможно даже сам градоначальник, — все там будут!

— Все мы там будем, — произнес себе под нос сотрудник охраны.

— Велено и вам экипаж подать, — добавил вошедший.

— Так подайте! И впредь попрошу соблюдать субординацию. Выучить порядок обращения к чинам десятого класса¹, полагаю, не так сложно.

— Честь имею...

Александр Александрович оперативно завершил сборы и вышел через черный ход на улицу. Правда, покидая большую служебную квартиру в Малом Гнездиновском переулке, в шаге от штаб-квартиры Москов-

¹ Поручик относился к десятому классу Табели о рангах и предполагал обращение «Ваше благородие».

ского охранного отделения и двух шагах от сыскной полиции, Монахов зачем-то выждал, пока посыльный уйдет вперед, остановился и быстро перекрестился...

● 2 ●

В Малом Гнездниковском, несмотря на столь ранний час, было уже оживленно. Подъезжали и отъезжали экипажи и редкие тогда еще автомобили. Ржали кони и урчали моторы. Ругались извозчики и мели мостовую дворники. Чины охранного отделения и сыскной возвращались со смены либо только заступали на нее. Был среди прочих и Аркадий Францевич Кошко — глава МСП¹, известный в определенных кругах как русский Шерлок Холмс...

— Аркадий Францевич! — окликнул давнего знакомого Монахов.

Однако Кошко не ответил и прошел мимо. Могло даже показаться, что он и знать не хочет Александра Александровича. Вместо приветствия сыщик сел в автомобиль и с многочисленной полицейской свитой, занявшей еще несколько транспортных средств, унесся вдаль. Монахов успел заметить лишь, что у коллеги было очень хмурое выражение лица. И вскоре станет понятно почему.

Но слушать доклады было некогда. Поэтому поручик сел в поданную пролетку и приказал править сразу к месту происшествия. А дальше: Малый Гнездниковский — Большой Гнездниковский — Страстная площадь — Тверской и Никитский бульвары — Ар-

¹ Московская сыскная полиция, которую А. Ф. Кошко возглавлял в 1908–1915 годах.

бат — Смоленская улица — Бородинский мост — Большая Дорогомиловская дорога и, наконец, Можайское шоссе.

Плохо спавший офицер вполне ожидаемо задремал в пути. А когда проснулся на одной из характерных для Москвы 1913 года выбоин, увидел неизвестно когда подсевшего попутчика. Почти сразу признал в нем письмоводителя градоначальства и даже успел напомнить тому о субординации. Новый пассажир принял нотацию к сведению и оказался даже чуть более разговорчивым, чем посыльный, хотя ненамного:

— Вот, — он протянул поручику какую-то газету.

— Что это? — спросил Монахов.

— «Московский листок». Не читали еще?

— Что-то читал... Но буду премного благодарен, если просветите, о чем идет речь в данный момент.

— Могу прочесть вслух?

— Разумеется.

Письмоводитель надел узкие, подпирающие виски очки по моде своего времени и принялся читать:

— За Дорогомиловской заставой на землях крестьян деревни Фили уже значительное время производится свалка мусора в глубоком овраге... Так, не то... Вот это... А на днях один из тех, кто оставался в том овраге на ночлег, был завален горой мусора насмерть! — писарь сделал многозначительную паузу.

Но собеседник так на него посмотрел, что тот поспешил продолжить.

— Вместе с ним в вырытых конурах ночевали и другие мусорщики, которым удалось выкарабкаться из-под горы нечистот. Они поведали крестьянам об обвале, и с их помощью отрыли труп несчастного бродяги...

Григорий Кисловский, «Московский листок», — дочитал он и поднял глаза.

— И какой вывод из всего этого предлагается сделать? — спросил Монахов.

— На свалках, в русле древней Неглинки, вокруг Сукиного болота, да и здесь, за Дорогомиловской заставой, часто находят неопознанные тела. Но этот...

— Что этот? И при чем тут политическая полиция? — Монахов рассуждал как бы сам с собой.

— Это ж ваш почти... Пропавший без вести... — повторил письмоводитель вслед за посыльным.

Но договорить не успел. Потому что проехали Дорогомиловскую слободу, и впереди замаячило место происшествия. А самое главное — из оврага послышались отзвуки ружейных выстрелов. Оценив обстановку, поручик приказал кучеру припустить, насколько было возможно.

● 3 ●

Вскоре Александр Александрович стоял на дне оврага и обозревал окрестности. Зрелище открывалось жуткое, отвратное и богомерзкое, как еще напишет «Московский листок». Громадная куча всевозможных отходов человеческой жизнедеятельности, источавшая зловоние на много верст кругом, с некоторых точек зрения даже заслоняла солнце!

Вдобавок повсюду шныряли крысы. Гигантские, откормленные и злощие, если опять же пользоваться языком господина Кисловского из бульварной газетенки. И именно по крысам и палили из ружей двое конвойцев, сопровождавшие высокое начальство.

— А нушла отсюда! — кричал один.

— Пали по ней, пали! — подначивал другой.

Впрочем, от солдат было больше шума, чем толку. Грызуны чувствовали себя подлинными хозяевами этого забытого богом и приличными людьми места. Не исключено даже, что пальба дополнительно привлекала их внимание.

Монахов беззвучно выругался и подошел к старшим офицерам. На месте уже были и начальник Московского охранного отделения Мартынов, и его помощник барон фон Штемпель, от градоначальства, одновременно отвечавшего за работу всей полиции в городе¹, — вице-губернатор Устинов, от сыскной — пока непонятно...

— Вот и Александр Александрович пожаловали, — констатировал Мартынов. — У нас для вас печальные известия.

Монахов сухо со всеми поздоровался и не без претензии спросил:

— И почему же мне не докладывают о личности покойного?

Старшие офицеры переглянулись.

— Возможно, нам понадобится и ваша помощь, Александр Александрович... — предупредил Мартынов и подозвал полицейского медика. — Гаврилов! Поди сюда.

— Слушаю, Александр Павлович! — эскулап засеменял к начальству, но из-за едва проходимой грязи продвигался не быстро.

¹ До 1905 года полицию в Москве возглавлял обер-полицеймейстер. Но затем его функции передали градоначальнику, на которого возлагалось управление и городом, и правоохранительными органами.

— Покажите поручику тело, — скомандовал начальник охраны, а потом добавил: — Пусть сам посмотрит и выскажет свои предположения...

Монахову ничего не оставалось, как пойти полицейскому медику навстречу, чтобы мелкими шажками и держась друг друга вместе добраться до покойника.

После чего перед ними открылось не самое привычное и не самое приятное зрелище. Аркадий Францевич Кошко, знаменитый сыщик начала XX века, гроза преступного мира и рыцарь без страха и упрека, — по мнению многочисленных своих почитателей, стоял на коленях перед накрытым простыней телом и тихо плакал. А когда появились другие люди, молча встал и ушел.

— Не видел его таким прежде, — признался Монахов, но больше самому себе.

— Смотрите, — доктор осторожно отодвинул простыню с лица и тела мертвеца.

— Господи! — вырвалось у поручика помимо воли.

Перед ним лежало голое тело чиновника для поручений при начальнике Московской сыскной полиции, главного помощника Кошко, коллежского секретаря Викентия Двуреченского. Почти все оно превратилось в какое-то жуткое месиво, а вдобавок местами уже было изъедено крысами.

— Сможете его опознать? — спросил медик и даже сам отвернулся.

Поручик снова выругался. И пробормотал себе под нос:

— Двуреченский — вполне нижегородская фамилия, что правда. Город стоит на двух великих реках...

Но громко, вслух, сказал уже следующее:

— Это Викентий Саввич...

— Почему вы пришли к такому выводу?

— Я хорошо знал покойного, — сообщил Монахов как будто нехотя. Но, быстро поняв, что доктор таким ответом не удовлетворится, продолжил: — Шрам на шее не от крыс... А от Русско-японской войны, о сем есть соответствующие записи... Вдобавок правая нога чуть короче левой. Он говорил об этой своей особенности не раз... Ну и нет мизинца на одной руке — он его в детстве потерял...

— Ясно, — констатировал врач. — Но все-таки... вы уверены?

— Я же не первый, кто поучаствовал в опознании? — сухо заметил Монахов и поспешил перевести разговор на другую тему. — Какая предварительная причина смерти?

— Многочисленные травмы, несовместимые с жизнью. А также, возможно, и асфиксия или, по-простому говоря, удушье.

— Удушье или удушение?

— Вас интересует, мог ли он задохнуться сам? — полицейский медик покачал головой. — Больше склоняемся к тому, что ему помогли. Но пока это лишь prognosis, обоснованное предположение. Не имея полных данных, не буду ничего утверждать.

— Понятно. А время смерти?

— Тоже лишь prognosis. Но со дня рождения наследника¹ он тут пролежал, а может, и дольше. И уж точно не погиб при завале третьего дня. Хотя крестьяне, что его нашли, и были уверены в обратном...

¹ Рождение его императорского высочества, наследника цесаревича Алексея Николаевича отмечалось в Российской империи 30 июля. Это был официальный неprisутственный день, как тогда говорили.

— Спасибо за то, что ввели в курс.

Медик собирался уже накрыть тело, но Монахов жестом остановил его:

— Если позволите, я хотел бы еще немного... Мы были близко знакомы... Свободны!

Доктор почесал в затылке, кивнул и удалился. А поручик снял шляпу и еще с минуту стоял молча, разглядывая изуродованный труп.

— Все под богом ходим, — послышался голос фон Штемпеля за спиной.

— Да, не самый приятный повод собраться, — согласился Монахов.

— Дознание продолжается, — известил барон. — Но есть по меньшей мере две различные версии относительно личности покойного.

— Я весь внимание, Борис Александрович...

— Первая, что перед нами чиновник для поручений при начальнике Московской сыскальной полиции, коллежский секретарь Двуреченский Викентий Саввич... О том говорят его многочисленные шрамы, а также сослуживцы. Родственников, к сожалению, мы не нашли... Да, еще местный мусорщик из числа бывших каторжных, которого Викентий Саввич грешным делом когда-то отправил по этапу. Собственно, он первым и опознал нашего дорогого коллегу.

— А вторая версия? — Монахов едва заметно напрыгся.

— Вторая, что перед нами золоторотец¹ Кузьма Гончуков, клика Гнойный, — Штемпель посмотрел на сослуживца как-то по-особенному, мол, а то ты его не

¹ «Золотой ротой» называли представителей городского дна, бездомных, босяков и оборванцев.

знаешь. — Последний бродяжничал, много пил и, по некоторым свидетельствам, сложил свою голову под каким-то забором еще лет пять назад. И хотя пока что его почти никто не опознал, но...

— Но?

— Надо думать, завтра свежая публикация об этом загадочном происшествии выйдет по меньшей мере в одной ведущей газете города...

— С чего ты взял?

— А вон...

И барон кивнул куда-то за спину Монахову. Тот обернулся и увидел вездесущего репортера «Московского листка» Григория Кисловского. Фигура известного охотника за сенсациями, да еще и с массивным фотографическим аппаратом, маячила на вершине оврага.

— Этому я собственноручно намылю шею... Прошу меня простить, Борис Александрович! — Монахов быстрым шагом прошел к конвойцам, которые не так давно стреляли по крысам, и гаркнул на них неожиданно громко: — Эй, служивые, равняйся! Смирно! Вон того дурня с фотографическим аппаратом чтобы в радиусе пяти верст отсюда не было. Можно с ним не миндальничать, но и палку тоже не перегибать. Вопросы есть?

— Так точно! Нет, господин поручик! — солдаты переглянулись и тут же побежали исполнять приказание, но Монахов снова на них гаркнул.

— Стоять! Фотографический аппарат тоже пострадать не должен, — напутствовал он. — Просто возьмите и аккуратненько перетащите его сюда. На том основании, что он препятствует работе правоохранения...

— Есть!